

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 249–258

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 249–258

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-249-258>, EDN: CPJQOY

Научная статья

УДК 316.485

Социальный конфликт как предмет медиации: теоретико-методологическая концептуализация в плоскости социологического подхода

А. Н. Островский

Российский государственный университет социальных технологий, Россия, 107150, г. Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49, стр. 2

Островский Антон Николаевич, кандидат медицинских наук, заместитель декана факультета юриспруденции, a-ostrovsky@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5666-658X>

Аннотация. В статье представлен ретроспективный метарефлексивный анализ взглядов мыслителей на социальные конфликты и подходы к их урегулированию: от классиков древности до наших дней через призму оценки социальных конфликтов как предмета медиации – подхода к профилактике и разрешению конфликтов с участием независимого нейтрального посредника (медиации). Целеполаганием исследования стал поиск теоретико-методологических первооснов медиации в плоскости социологического подхода. Воспроизводимые многими авторами суждения: о социальном конфликте как о неискоренимой норме жизни; способе трансформации личности и группы; ресурсе для достижения единства; о согласовании интересов как способе преодоления конфликта; о безусловности права; о важности перефокусировки в разрешении конфликта от частных интересов к общественному благу – фактически являются базовыми теоретическими основами медиативной практики.

Ключевые слова: социальный конфликт, профилактика и разрешение социальных конфликтов, медиация

Для цитирования: Островский А. Н. Социальный конфликт как предмет медиации: теоретико-методологическая концептуализация в плоскости социологического подхода // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 249–258. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-249-258>, EDN: CPJQOY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**Social conflict as a subject of mediation: Theoretical and methodological conceptualization
in the plane of the sociological approach**

A. N. Ostrovskii

Russian State University of Social Technologies, 49/2 Losinoostrovskaya St., Moscow 107150, Russia

Anton N. Ostrovskii, a-ostrovsky@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5666-658X>

Abstract. The article presents a retrospective meta-reflexive analysis of the views of thinkers on social conflicts and approaches to their resolution: from the classics of antiquity to the present day through the prism of assessing social conflicts as a subject of mediation - an approach to preventing and resolving conflicts with the participation of an independent neutral mediator (mediation). The goal of the study is to search for theoretical and methodological foundations of mediation in the plane of the sociological approach. The judgments reproduced by many authors on a social conflict as an ineradicable norm of life; a way of transforming an individual and a group; a resource for achieving unity; the way of coordination of interests as a way to overcome a conflict; the non-unconditional nature of law; this importance of refocusing in resolving a conflict from private interests to the public good, in fact, is the basic theoretical foundations of mediation practice.

Keywords: social conflict, prevention and resolution of social conflicts, mediation

For citation: Ostrovskii A. N. Social conflict as a subject of mediation: Theoretical and methodological conceptualization in the plane of the sociological approach. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 249–258 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-249-258>, EDN: CPJQOY

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В последние десятилетия в Российской Федерации особую актуальность приобрел способ разрешения социальных конфликтов с участием независимого нейтрального посредника – ме-

диация – одна из форм регламентированных законодательством примирительных процедур. Данная технология позволяет гражданам; представителям властных структур и организаций,

выступающим сторонами конфликта, самостоятельно в диалоге конфликтующих сторон найти взаимоприемлемое решение по существу спора при условии соблюдения базовых принципов добровольности участия в процедуре, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора. При этом специфической особенностью разрешения споров в социальной сфере – социальной медиации – выступает фокусировка сторон на достижении социальной справедливости и общественного блага. В то же время в основе урегулирования иных частных споров лежит согласование коммерческих или иных материальных интересов участников конфликта.

Принимая во внимание указанную выше специфику рассматриваемой категории споров, мы ведем системную работу по концептуализации понятия «социальная медиация» – практики по работе с общественно значимыми конфликтами, возникающими в социальной сфере, основывающейся на организации конструктивных коммуникаций конфликтующих сторон. При этом в рамках представляемого исследования медиация рассматривается не в форме собственно технологии работы с теми или иными частными противоречиями, спорами или конфликтами, а в виде отдельного подхода к конфликторазрешению, удовлетворяющего существующему общественному запросу и имеющего свои социально-философские основы. Таким образом, целью статьи выступает поиск теоретико-методологических первооснов медиации путем метарефлексии идей о ее базовом предмете: самой дефиниции «социальный конфликт»; о причинах его возникновения, о подходах к его разрешению, в частности, консенсуальных механизмах достижения социальной справедливости при профилактике и урегулировании социальных конфликтов.

Имманентность социального конфликта всем периодам и формам общественных отношений подтолкнула нас к исторической ретроспективе эволюции суждений авторов, в той или иной степени касавшихся рассматриваемой проблематики, а также к анализу актуальных течений мировой социологической мысли минувшего столетия (и конкретно – его последних десятилетий), давших общественным наукам наиболее яркие исследования феномена социального конфликта. При этом проведенная нами в плоскости социологического подхода теоретико-методологическая концептуализация

понятия «социальный конфликт» и подходов к его разрешению не ставила своей задачей проведение всеобъемлющего обзора социально-философских воззрений на данные явления, позволяя сосредоточиться исключительно на оценке социального конфликта в качестве ресурса для его разрешения в диалоге конфликтующих сторон через поиск единого для них самих и значимого для общества блага.

Наряду с большинством общественно значимых сюжетов, социальный конфликт впервые находит место в размышлениях классиков древности, в первую очередь, в виде неизбежности, если и преодолеваемой, то исключительно посредством трансформации самих членов общества, их отношений и государственного устройства, регулирующего эти отношения. В частности, Конфуций, разрабатывая свое этическое учение, призванное гармонизировать общественные отношения, полагал причинами социального конфликта неравенство, а путями его устранения – улучшение нравов и искоренение пороков [1, с. 67].

Гераклит считал, что все в природе, включая человеческие отношения, происходит и развивается через вражду и противоречия. «Война – отец всего и царь всего. Одним она определила быть богами, а другим – людьми, одних она сделала рабами, других – свободными» [2, с. 21].

Платон в своих рассуждениях также исходит из того, что конфликт присущ миру изначально: «...от природы существует вечная непримиримая война между всеми государствами» [3, с. 626]. Рассматривая несовершенные формы государства (олигархию, тиранию и т.д.), он считает конфликт закономерным следствием их неидеальности. Государство потенциально конфликтно, ведь внутри него существуют и противостоят друг другу два враждебных государства: бедных и богатых [4, с. 422–423]. Платон, пожалуй, первым из мыслителей признает бесполезность борьбы с источником социальных конфликтов в реальном государстве, моделируя возможность бесконфликтного состояния только при идеальном надличностном общественном устройстве. Одним из залогов таких общественных отношений он видит добродетель справедливости наряду с мудростью, мужеством и благоразумием, наличие которых обеспечивает индивиду возможность преодолеть свое несовершенство через занятие оптимального положения в обществе [4, с. 433].

Таким образом, именно в работах Платона зарождается симбиоз понятия «конфликт» с термином «справедливость» как возможным способом преодоления конфликта в условиях государственного регулирования.

Аристотель, будучи учеником и последователем Платона, считал государство основополагающим элементом общественной жизни, а также механизмом обеспечения справедливости. Рассуждая о формах протекания и пресечения конфликтных ситуаций в различных видах государственного устройства, Аристотель в солидарности со своим учителем приходит к убеждению о неискоренимости социального конфликта. Социальная система может быть бесконфликтной только в условиях отсутствия различий, тотального единообразия, а это даже не идеал, а утопия. Нравственное совершенствование, предложенное Платоном в качестве социальной панацеи, по мнению Аристотеля, не годится в виде механизма конфликто разрешения: человек подвержен страстям, и природа его испорчена. Именно с Аристотеля берет начало представление о конфликте как следствии социального расслоения – неравенстве в доступе к социальным благам, а также коррумпированности правящего класса, неравномерном распределении власти, неэффективности управления наряду с личной ненавистью, этническими противоречиями и пр. По его мнению, истоки конфликтности, в первую очередь, лежат в социальных отношениях и недостатках управления, происходящих из неравенства и несхожести интересов различных слоев общества, богатых и бедных, порочных и добродетельных: «...из людей одинаковых государство образоваться не может» [5, с. 531]. Общество состоит из различных неоднородных элементов; государство, объединяя их в единое целое, становится территорией конфликтов. Разные представления о способах и механизмах достижения счастья и справедливости толкают различных представителей социума к борьбе за власть с целью установления своей формы правления. Конфликты власти являются естественными, ведь никто не может претендовать на власть, опираясь на безусловное право [5, с. 467]. Сомнение в безусловности права при регуляции общественных отношений и профилактики социальных конфликтов является еще одним концептуально близким нам мотивом, имеющим глубочайшие исторические корни.

Тема справедливости в контексте профилактики и разрешения социальных конфликтов в общественном поведении находит свое развитие в работах римского мыслителя Цицерона: во-первых, никому не наносить вреда, если только тебя на это не побудили противозаконием, и, во-вторых – пользоваться общественной собственностью как общей, а частной – как своей [6, с. 20]. Цицерон считал отправной точкой конфликта саму природу человека, принуждающую его к общественному существованию и мотивирующую стремление к общему благу и пользе: «...одна и та же польза для каждого в отдельности и для всех сообща; если каждый станет рвать ее себе, то вся общность человеческой судьбы будет нарушена» [6, с. 26–27]. Впервые у Цицерона мы встречаем посыл к поиску единого общего блага в виде стремления к лишению почвы для возникновения социальных конфликтов через согласование общественных интересов: «...государство, с чувством меры составленное путем сочетания высших, низших и средних сословий (словно составленное из звуков), стройно звучит благодаря согласованию самых несходных начал...» [7, с. 69]. При этом «нравственно-прекрасными», по мнению Цицерона, в социальной жизни выступают четыре качества гражданина: знание истины, величие духа, умеренность и опять же – справедливость.

Прорыв в обществоведческой сфере, связанный, в первую очередь, с именами Э. Роттердамского, Ф. Бэкона, Д. Локка, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо и других социальных философов-гуманистов, стал возможен только в связи с секуляризацией мировоззрения с наступлением Нового времени и эпохи Просвещения. Эразм Роттердамский в стремлении осудить и в попытке предотвратить бушевавшие социальные (крестьянские) и религиозные войны и смуты затронул некоторые ключевые моменты природы социального конфликта. Отправной точкой его рассуждений было исторически неоригинальное, но для своего времени ценное признание имманентности конфликтогенности окружающего природного и социального мира: «Жизнь человеческая не что иное, как непрерывная борьба» [8, с. 90]. Э. Роттердамский впервые отмечает наличие собственной объективной логики протекания конфликта, не зависящей от сторон-участников; способность конфликта к расширению и затягиванию в свой водоворот новых социальных групп и

слоев безотносительно их желаниям. Также он, в свойственной его сатире едкой манере, в одном из писем касается использования единой идеологической платформы для обоснования правоты противоборствующими участниками конфликта, доводя до абсурда аргументацию противников, привлекающих на свою сторону христианское учение, до такой степени противоречивую, что «кажется, Христос воюет сам с собой» [8, с. 72–75].

Т. Гоббс продолжает сквозную историческую тему неизбежности социального конфликта, ибо «мы находим в природе человека три основные причины войны: во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих – жажду славы» [9, с. 86]. Именно у Гоббса в нашем экскурсе в эволюцию социологических взглядов в контексте первопричин социальных конфликтов мы впервые встречаем столь важный для нас термин «недоверие» в виде антонима другому значимому для нас термину «доверие» – одному из инструментов построения консенсуса конфликтующих сторон. Недоверие в формате основы конфликта в логике Гоббса иллюстрируется метафорами, актуальными времени написания его трудов: «...что касается физической силы, то более слабый имеет достаточно силы, чтобы путем тайных махинаций или союза с другими, кому грозит та же опасность, убить более сильного» [9, с. 85]. Между тем нельзя не отметить справедливость авторских выводов о том, что именно эти факторы создают атмосферу взаимного страха, которая заставляет людей нападать друг на друга. Какими бы ни были их мотивы, нанесение удара первым является более безопасным вариантом, чем стояние в обороне.

Гоббс утверждает, что худшее, что может случиться с человеком, это состояние анархии, когда общество раздирается социальным конфликтом, возведенным в абсолют, – «войной всех против всех». Гоббс невольно вторит идеям Цицерона о необходимости согласования общественных интересов под эгидой государства, будучи убежденным в том, что люди, несмотря на то, что являются преимущественно рациональными существами, желающими не конфликтовать, а сотрудничать, не могут заключать и поддерживать соглашения о сотрудничестве без принуждения со стороны государства. В этой связи единственный источник предотвращения и разрешения конфликтов – это суверен, обладающий абсолютной властью. Какое бы зло

ни принесла такая неограниченная власть сама по себе, по мнению Гоббса, это необходимый риск, потому что зло, возникающее из-за отсутствия такой власти, гораздо больше.

Локк, вслед за Гоббсом продолжающий разработку концепции социального договора, также высказал несколько оригинальных мыслей относительно природы социальных конфликтов и способов их урегулирования. Пережив, как и Гоббс, английскую революцию, он анализировал ее глубинные предпосылки: «...фундаментальной причиной того, что английское общество в XVII веке разваливалось по швам, было то, что оно не могло договориться о том, какая теория должна быть основой деятельности правительства» [10, р. 17]. Это привело Локка к мысли о поиске способов предотвращения социальных конфликтов через установление морального консенсуса. «...Все, что нужно обществу, чтобы достичь морального и, следовательно, социального консенсуса, это чтобы все или большинство его членов верили в существование Бога и терпели различия в других религиозных верованиях людей...» [11]. Локк считает, что религия – это совокупность ценностей, в том числе социальных, и дело истинной религии – регулировать жизнь людей, основываясь на правилах добродетели и благочестия. Сегодня, когда секуляризация информационного пространства является практически подавляющей, идеи Локка могут показаться архаичными. Между тем наличие дискурса вокруг социально-ценностной и зачастую проистекающей из нее нормативной основы для общественной жизни, в том числе в качестве базы для профилактики и разрешения социальных конфликтов свидетельствует об актуальности ее поиска, хотя и ставит под сомнение возможность единообразного подхода в решении данной задачи.

Развитие идеи социального расслоения в формате первопричины социальных конфликтов было продолжено в работах французских просветителей Вольтера, Монтескье и Руссо. В частности, по мнению Вольтера, природа социального конфликта есть производная от всеобщего и неискоренимого социального неравенства, при котором человеческой природе свойственна неудовлетворенность своим социальным положением: «Не существует людей, чьи желания совпадали бы с насущными потребностями, а потребности с возможностями их удовлетворения» [12, с. 122].

По мнению Монтескье, механизм запуска социального конфликта работает только в сложно организованной социальной системе: «...отдельные лица в каждом обществе начинают ощущать свою силу и пытаются обратить в свою пользу главные выгоды этого общества» [13, с. 166]. Способом предотвращения и регуляции социальных конфликтов он считает законы, но при этом, вслед за Аристотелем, полагает, что право не может управлять всей совокупностью социальных отношений. Так же, как и Локк, с удовлетворением для нас он предлагает основной акцент сделать на моральном аспекте регулирования: «...не следует законами достигать того, чего можно достигнуть улучшением нравов» [13, с. 415], своими идеями во многом перекликаясь с трудами древних: Конфуцием, Платоном, Аристотелем и Цицероном. Кроме того, Монтескье, пожалуй, впервые говорит о способности общественной саморегуляции в этой области, в противовес своим предшественникам-социальным мыслителям, отдававшим прерогативу в управлении разрешением конфликта государству. Монтескье видит внутренние ресурсы для установления социальных норм: люди «чувствуют старое зло, видят средства к его исправлению, но вместе с тем видят и новое зло, проистекающее от этого исправления» [14, с. 333].

Руссо, наряду с упомянутыми выше его соотечественниками, считал, что проблема социальных конфликтов есть следствие «человеческой разделенности», которая, в свою очередь, порождена самим существованием социальных отношений. При этом в качестве «лекарства», способного сохранить природную целостность общества, он видел сами социальные отношения. В основе концепции разрешения социальных противоречий и конфликтов Руссо в близкой для современной медиативной практики парадигме инициации личностно ориентированного диалога конфликтующих сторон лежит проблема правильного построения человеческих взаимоотношений – возможного способа восстановления общественной и внутренней целостности. «Мы, – объясняет Руссо, – ...лишь наполовину социальные: мы не в состоянии избавить себя от перманентного желания социальных отношений, но в равной степени не в состоянии выполнить их строгие требования. Поэтому наша жизнь определяется диспропорцией между тем, что хорошо для нас, и тем, что от нас ожидается: ...связать

все с другими и никогда ничего не связывая, кроме себя одного», «колеблясь между своими наклонностями и своими обязанностями», следуя «среднему направлению», которое только усиливает наше недовольство, мы умираем «не имея возможности привести себя в согласие с собой и не став хорошими ни для себя, ни для других» [15, с. 28–30]. Руссо связывает социальную взаимозависимость с восстановлением внутреннего единства.

Это примирение становится целью более широкой социальной повестки дня, но не личного желания. Чтобы восстановить нашу первоначальную гармонию, мы должны найти способ устранить противоречия, заложенные в основные институты общества, нейтрализовать ключевые источники межличностного разделения и социального конфликта. Руссо развивает и радикализирует эту линию аргументации, утверждая, что рациональные частные интересы не способны разрешить те социальные конфликты, которые они создают. Гражданское общество вводит «динамику с нулевой суммой», при которой выигрыш одного человека всегда идет за счет другого и, таким образом, «обязательно заставляет людей ненавидеть друг друга пропорционально конфликту их интересов» [16, с. 37]. Он утверждает, что первопричиной социального конфликта является то, что человек во все времена направляется двумя противоположными хозяевами: интересами и обязательствами, желанием и долгом, страстями и разумом, служением себе и обществу. Это заставляет его в той или иной ситуации разворачивать свои усилия одновременно в противоположных направлениях, фактически их нивелируя. Руссо пытается сбалансировать различные и, казалось бы, несовместимые силы и обязательства, составляющие социальную жизнь через концепцию «Общей воли», при которой истинное благо общества достигается тогда, когда общественные интересы превалируют над индивидуальными. «Общая воля» Руссо является не суммой индивидуальных потребностей, а продуктом их гармонизации в интересах общего блага, помогает преодолеть социальные конфликты и способствует созданию более справедливого и гармоничного общества.

В конце XVIII – начале XIX в. метафизические отвлеченно философские подходы к анализу общественных явлений уступают место детальным, конкретным, прикладным систе-

мам знаний, с подачи О. Конта получившим общее родовое имя «социологии». В течение последующих полутора столетий институализировалась самостоятельная отрасль – социология конфликта, теоретико-методологический инструментарий которой сегодня представляет особенный интерес для научной рефлексии самого явления социального конфликта и разработки механизмов его разрешения. В результате объективных социально-исторических процессов практически все существующие сегодня общепризнанные в теоретико-методологической рефлексии подходы и парадигмы социологии конфликта сложились в западноевропейской и североамериканской социологической традиции с акцентом на рассмотрение наиболее злободневной антиколониалистской или антиимпериалистической повестки и особым фокусом на этнических и расовых разногласиях.

Первой базовой проблемой современной социологии конфликта выступает его место и значимость в общественной жизни. При этом в основе дифференцированности подходов к социальному конфликту различных социологических школ лежат воззрения на само общество. Апологеты одних из них полагают, что общество является целостным образованием; подчеркивают его политическое единство, базирующееся на идее государства; культурную и историческую общности, зачастую презентующиеся через понятие «нация»; существующие социальные связи между его членами, их социализацию. В соответствии с данной точкой зрения общество также может рассматриваться в качестве образования, состоящего из стратифицированных социальных классов с возможностью вертикальной/горизонтальной социальной мобильности их представителей. Специфика этих подходов заключается в том, чтобы минимизировать или не признавать социальный конфликт в форме антагонистических отношений между двумя или несколькими социальными акторами. В наиболее выраженных и идеологически окрашенных вариантах такие подходы сводят социальную жизнь к стремлению к гармонии, например в некоторых текстах современной китайской социологии [17].

Напротив, другие подходы в центр анализа общественной жизни ставят феномен противоборства. Наиболее радикальные из них базируются на социал-дарвинистских, спенсеровских представлениях [18, р. 186–199]. Некоторые, хотя и не прямолинейно двигаясь

по этому пути, не сомневаются в обоснованности идеи конфликта между этническими группами или расами [19].

Не принимая в полной мере любой из этих двух типов видения проблемы в их самых крайних вариантах, можно выделить относительно диверсифицированную социологическую традицию, стремящуюся предоставить значительное пространство для концепции конфликта. В частности, Маркс, описывая общество состоящим из стратифицированной пирамиды социальных классов, в основном говоря о классовой борьбе и центральном социальном конфликте, характерном для капиталистических обществ, где пролетариат противостоит эксплуататорам труда [20, с. 519–548], предложил набор принципов, которые должны были стать основой «конфликтной теории стратификации» [21].

В целом идея социального расслоения определяет общество в виде противопоставления социальных слоев и ничего не говорит нам о возможности конфликтных отношений между ними. Она далека от идеи антагонизма или конфликта и гораздо ближе к идее социальной горизонтальной/вертикальной мобильности, при этом индивидуумы определяются в зависимости от их принадлежности к социальному слою и от того, остаются ли они в этом слое или покидают его для достижения более высокого или более низкого социального уровня. Тем не менее в самом явлении расслоения общества можно увидеть последствия существующего конфликта, а за социальными слоями – субъекты, вовлеченные в отношения господства. Так, марксистская социология 60–70-х гг. прошлого века иногда описывала фактическое состояние современных обществ в концепции стратификации, рассматривая различные социальные слои и анализируя положение конкретного из них, например мелкой буржуазии, в конфликтной поляризации между рабочим классом и капиталом [22].

Большинство социальных мыслителей XX в., имевших дело с конфликтом, рассматривали его, в первую очередь, через призму нормативности. В частности, Талкотт Парсонс, оставаясь невосприимчивым к эмпирической или исторической реальности, видел в нем негативный элемент. По мнению Льюиса Козера, Парсонс считал конфликт болезнью, рассматривая его в формате явления, имеющего, в первую очередь, разрушительные, диссоциирующие и дисфункциональные последствия [23, р. 21].

В то же время Георг Зиммель поставил конфликт в центр общественной жизни и увидел в нем фундаментальный источник единства общества, способствующий социализации отдельных лиц и регулированию коллективной жизни: «Если... разгорелся конфликт, это в действительности путь к тому, чтобы снять двойственность и прийти к какой-то форме единства» [24, р. 490].

Идеи Г. Зиммеля были использованы Л. Козером для обоснования функционалистической теории конфликта. Так, положительными функциями и ценностями конфликта он считал «обеспечение сохранения группы», ее «сплоченность в пределах собственных границ и ограничение выхода для членов», а также то, что конфликт «может способствовать поддержанию, корректировке или адаптации социальных отношений и социальных структур» [23, р. 51].

Вторым базовым сюжетом современной социологии конфликта является наличие его взаимосвязи с идеей власти и, в крайнем проявлении, с идеей принуждения, а также с дистанцированием от социального общения, при котором люди социально взаимодействуют, но при этом способны находиться в противостоянии и бороться друг с другом. С этой точки зрения конфликт – это то, что происходит, когда интересы отдельных лиц или групп становятся антагонистическими, что приводит к конфликтам за статус или власть. В этой ситуации участники конфликта мобилизуют имеющиеся ресурсы в попытке достижения своих целей, скорее, занимаясь рационализацией отношений, но не их разрушением или собственным выживанием. В данном случае участники конфликта, как правило, особо эмоциональны, ведь насилие, по мнению отдельных авторов, представляется одной из форм эмоционального взаимодействия [25].

Конфликт не является непримиримой конфронтацией между врагами; игрой с нулевой суммой, в которой выигрыш одной стороны является поражением другой. Это, скорее, отношения между противниками, разделяющими общие культурные нормы, «соединение элементов в одном высшем концепте» [24, р. 491]. Конфликт также не является синонимом кризиса, который представляет собой ситуацию, когда индивиды и группы действуют в отсутствие каких-либо взаимоотношений между субъектами.

Конфликт не обязательно является насильственным, однако отношения между на-

силием и конфликтом требуют прояснения: на некоторых этапах конфликт может включать в себя насильственные аспекты. При этом если насилие продолжается и сохраняется, если оно теряет способность быть полезным, контролируемым и ограниченным – в этих случаях оно неизбежно перерождает конфликт в разрыв коммуникаций: войну и терроризм [26]. Однако насилие, присущее конфликту, даже если оно носит крайний характер, не препятствует сосуществованию молчаливых форм согласия. По мнению Томаса Шеллинга, сообщения, которые передают призыв к прекращению конфликта, могут иметь вид жестокого и крайнего насилия, в частности, атомные бомбы, сброшенные на Нагасаки и Хиросиму американскими вооруженными силами, были действиями, которые не отменяли перспективу продолжения взаимоотношений [27].

Обязательным условием возникновения конфликта, по Г. Зиммелю, является наличие ряда компонентов: сферы действия – общего пространства, обеспечивающего обсуждение вопросов, стоящих на повестке дня конфликта; противостоящих друг другу субъектов, пытающихся контролировать одни и те же ресурсы; одних и тех же ценностей или одной и той же власти, в рамках которой между ними могут складываться отношения. Второе обязательное условие для формирования конфликтного взаимодействия – автономия действующих в нем лиц [24, р. 515].

Другими обязательными условиями для конфликта, выделенными А. Туреном, являются: набор вопросов, одинаковых для всех акторов, – принципа всеобщности; принципа противодействия, согласно которому каждый определяется по отношению к оппоненту; и принципа идентичности, в котором каждая сторона определяет себя [28].

Социологическое понимание конфликта предусматривает не только возможность его эскалации, бюрократизации, но и обращение к юридическому урегулированию [29]. В частности, Юрген Хабермас, последовательно обосновывая возможность преодоления конфликтов путем переноса публичного дискурса в социокультурную сферу, попытался наметить условия этики демократических дискуссий. Основным инструментом разрешения конфликтов Хабермас предлагал считать легитимные законы, прошедшие различные типы дискурсивных тестов, обсуждений, социальных дебатов [30].

Заключение

Резюмируя итоги нашего ретроспективного исследования социологических взглядов на феномен «социального конфликта» через призму его восприятия как предмета медиации, стоит выделить наиболее яркие выявленные нами тезисы, созвучные базовым теоретическим основам медиативной практики.

Конфликт – неискоренимая норма жизни. Суждения об имманентности конфликта общественной жизни и его неискоренимости встречаются практически у всех наиболее значимых мыслителей человечества от Гераклита (VI в. до н.э.), Платона (V–IV вв. до н.э.), Аристотеля (IV в. до н.э.) до Гоббса (XVI в.), не говоря уже об авторах более поздних времен и современности, и лежат в основе идеи о конфликте как о норме человеческих отношений – основополагающем тезисе фундаментальных основ медиации.

Право не безусловно. В логике социально-философского обоснования подхода к разрешению спора без директивного участия институтов власти в диалоге конфликтующих сторон важной вехой стала констатация сомнений в безусловности права как способа регуляции общественных отношений, впервые появившаяся еще в древние времена – у Аристотеля. Значительно позже, в XX столетии, в нашем обществе уже главенствующего права Юрген Хабермас последовательно обосновывал возможность преодоления конфликтов путем переноса публичного дискурса в социокультурную сферу. Автор пытался в качестве основного инструмента разрешения конфликтов рассматривать легитимные законы при условии прохождения ими различных типов дискурсивных процедур: в современных реалиях, представленных публичными слушаниями, общественными обсуждениями, которые, по нашему мнению, также должны строиться на медиативных принципах.

Конфликт как способ трансформации личности и группы. Третьим значимым мотивом в истории социальной мысли о мирном конфликто-разрешении стала фокусировка на личностную и групповую трансформацию: во-первых – как на основу возможного конфликто-разрешения; во-вторых – как на его результат. Впервые такой подход мы встречаем в VI в. до н.э. у Конфуция в формате «улучшения нравов» в виде способа профилактики и урегулирования

общественных противоречий. Значительно позже, в XVII в., Джон Локк невольно вторил Конфуцию, предлагая делать основной упор в разрешении конфликтов именно на моральном аспекте регулирования человеческих отношений через построение «морального консенсуса». В свою очередь, Шарль Луи де Монтескье в XVIII столетии также предлагал считать именно внутренние ресурсы личности и общества источниками установления социальных норм, единообразно принимаемыми всеми членами социума и закономерно становящимися основой для профилактики и преодоления конфликтного взаимодействия. О важности правильного построения человеческих взаимоотношений как способа восстановления общественной и внутренней целостности писал в XVIII в. современник Монтескье Жан-Жак Руссо.

Стоит отметить, что трансформация и отдельной личности, и социальной группы в диалоге конфликтующих сторон о конфликте – конфуцианское «улучшение нравов»; «внутренние ресурсы личности и общества», по Монтескье, – одна из базовых основ медиации. Преодоление конфликтного взаимодействия и поиск взаимоприемлемого решения возможны только посредством индивидуальной/групповой переоценки ситуации участниками процедуры урегулирования конфликта с помощью смены фокуса с индивидуальных интересов на общие объединяющие ценности – «моральный консенсус», по Локку, и восстановление общественной и внутренней целостности, по Руссо. Именно на таких принципах в медиации строится разрешение конфликтов между двумя его сторонами, внутри группы (буллинг, моббинг и др.); групповых общественных противоречий (конфликтов в сообществах, конфликтов, вызванных необходимостью государственного вмешательства в жизнь семьи, находящейся в трудной жизненной ситуации). Именно это при медиативной работе с социальной группой/группами обеспечивает поддержание, корректировку или адаптацию социальных отношений и социальных структур.

Согласование интересов как способ преодоления конфликта – фактически базовый тезис медиации, идея, формирующая одну из ее возможных технологических основ, – является фактически ключевой линией идущих через века рассуждений о социальном конфликте и идеях о возможности согласования обще-

ственных интересов в качестве механизма их преодоления. Цицерон (I в. до н.э.) предложил поиск единого общего блага через согласование общественных интересов, «самых несходных начал...». В XVI в. Томас Гоббс, невольно развивая цицероновскую логику, впервые заговорил фактически о создании прообраза современных институтов гражданского общества по разрешению конфликтов, предлагая сместить поле согласования общественных интересов под эгиду государства, в том числе посредством описанных выше предложенных Ю. Хабермасом дискурсивных процедур. Кроме того, именно с Гоббса берет свое начало понимание важности построения доверия между конфликтующими сторонами в форме инструмента для построения их консенсуса.

Конфликт как ресурс для достижения единства. Безусловно, ключевую роль в создании фундаментальных основ медиации сыграли основоположники социологии конфликта XX в., в работах которых, пожалуй, впервые прозвучал тезис «конфликт как возможность» и наметился путь к тому, чтобы снять двойственность и прийти к какой-то форме единства. Оценка конфликта, как не являющегося синонимом кризиса, а скорее ситуацией, в которой индивиды и группы действуют в отсутствие каких-либо взаимоотношений между субъектами, фактически заложила фундамент для ряда технологических решений медиации. Речь об отмеченном Г. Зиммелем обязательных условиях возникновения (а мы добавим – и разрешения) конфликта: наличии сферы действия – общего пространства, обеспечивающего обсуждение вопросов, стоящих на повестке дня конфликта; противостоящих друг другу субъектах, пытающихся контролировать одни и те же ресурсы; одних и тех же ценностей или одной и той же власти, в рамках которой между ними могут складываться отношения. Другие обязательные условия для формирования конфликтного взаимодействия: автономия действующих в нем лиц; попытка уйти от восприятия сторон конфликта в качестве априори непримиримых врагов; оценка отношений между сегодняшними противниками как разделяющих общие культурные нормы. Аллен Турен, в свою очередь, выделил обязательные условия для самого конфликта и, стало быть, для его разрешения: принципы всеобщности, противодействия и идентичности, оказавшиеся созвучными уже значимым технологическим элементам медиации – работе

независимого нейтрального посредника с нарративом сторон конфликта в совместном с ними поиске их ценностных общностей и общих интересов в той или иной конфликтной ситуации.

От рациональных частных интересов к общественному благу. В контексте представленных идей социальной медиации – приоритетности достижения целей социальной справедливости и общественного блага в ходе урегулирования частных интересов сторон – исторически ключевым социально-философским фундаментом выступают идеи Руссо о том, что рациональные частные интересы не способны разрешить те социальные конфликты, которые они создают, и сформированная им концепция «Общей воли» в виде продукта гармонизации общественных отношений.

Проведенный ретроспективный анализ наследия социальной мысли о многогранных сущностях социального конфликта и подходах к его урегулированию позволил в целом под новым ракурсом рассмотреть данные явления в тесной связи с фундаментальными основами конфликторазрешения при участии независимого нейтрального посредника. Оставленный за рамками представляемого исследования обзор работ социологов конфликта второй половины XX – первой четверти XXI в. еще подлежит научной оценке в историческом и социально-политическом контекстах, а также в плоскости возможного применения диалоговых консенсусальных процедур – социальной медиации.

Список литературы

1. Беседы и суждения Конфуция / сост., подгот. текста, примеч. и общ. ред. Р. В. Грищенко; предисл. Л. С. Переломова. 2-е изд., испр. СПб. : Кристалл, 2001. 1119 с. (Библиотека мировой литературы).
2. Гераклит Ефесский. Фрагменты / пер. В. Нилендера. М. : Мусагет, 1910. 88 с.
3. Платон. Собр. соч. : в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Loseva [и др.] ; примеч. А. А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1994. Т. 4. 830 с. (Философское наследие).
4. Платон. Собр. соч. : в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Loseva [и др.] ; примеч. А. А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1994. Т. 3. 654 с. (Философское наследие).
5. Аристотель. Соч. : в 4 т. / под общ. ред. А. И. Доватура. М. : Мысль, 1983. Т. 4. 830 с. (Философское наследие).
6. Цицерон Марк Туллий. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М. : Наука, 1993. 245 с. (Литературные памятники).
7. Цицерон Марк Туллий. Диалоги. М. : НИЦ «Ладомир» ; Наука, 1994. 222 с. (Литературные памятники).

8. Эразм Роттердамский. Философские произведения / отв. ред. В. В. Соколов. М. : Наука, 1986. 702 с.
9. Гоббс Т. Левиафан. М. : Мысль, 2001. 478 с. (Из классического наследия).
10. Forster G. John Locke's Politics of Moral Consensus. Cambridge University Press, 2005. 334 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511498114>
11. Locke J. The works. Vol. 5. Four Letters concerning Toleration. URL: <https://oll.libertyfund.org/title/locke-the-works-vol-5-four-letters-concerning-toleration> (дата обращения: 14.02.2024).
12. Вольтер. Философские повести и рассказы, мемуары и диалоги : в 2 т. М. ; Л. : Academia, 1931. Т. 1. 498 с.
13. Монтескье Ш. Избранные произведения. М. : Госполитиздат, 1955. 800 с.
14. Монтескье Ш. // Энциклопедия мудрости. М. : РОССА, 2007. С. 332–333.
15. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения : в 2 т. / под ред. Г. Н. Джибладзе. М. : Педагогика, 1981. Т. 1. 653 с.
16. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. М. : Юрайт, 2023. 146 с. (Антология мысли).
17. China in search of a harmonious society / ed. by Sujian Guo, Baogang Guo. Lanham, Md. : Lexington Books, 2008. 257 p.
18. Herbert Spencer: Critical Assessments / ed. by J. Offer : in 4 vols. Taylor and Francis Group, 2000. 1669 p.
19. Ethnic Conflicts and Civil Society. Proposals for a New Era in Eastern Europe / ed. by A. Klinke, O. Renn, J.-P. Lehnens. Aldershot, Hants, England ; Brookfield, Vt., USA : Ashgate, 1997. 384 p.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. Изд. 2-е. М. : Госполитиздат, 1955–1981. Т. 22. 804 с.
21. Collins R. Conflict sociology: Toward an explanatory science. New York : Academic Press, 1975. 584 p.
22. Poulantzas N. Les classes sociales dans le capitalisme aujourd'hui. Paris : Seuil. 1974. 367 p. (Collection «Sociologie politique»).
23. Coser L. A. The functions of social conflict. Glencoe, Ill. : Free Press, 1956. 199 p.
24. Simmel G. The sociology of conflict // American Journal of Sociology. 1903. Vol. 9. P. 490–525. <https://doi.org/10.1086/211234>
25. Collins R. Violence: A micro-sociological theory. Princeton, NJ ; Oxford : Princeton University Press, 2008. 563 p. <https://doi.org/10.1515/9781400831753>
26. Wieviorka M. Evil. Cambridge : Polity Press, 2012. 180 p.
27. Schelling T. C. The strategy of conflict. London ; Oxford ; New York : Harvard University Press, 1960. 309 p.
28. Touraine A. Production de la société. Paris : Seuil, 1973. 542 p.
29. Kriesberg L., Dayton B. Constructive conflicts: From escalation to revolution. Lanham, MD : Rowman and Littlefield, 2012. 432 p.
30. Habermas J. L'Ethique de la discussion et la question de la vérité. Paris : Grasset, 2025. 90 p.

Поступила в редакцию 17.03.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2025;

принята к публикации 15.05.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 17.03.2025; approved after reviewing 09.04.2025;

accepted for publication 15.05.2025; published 29.08.2025